Владимир Войнович

Мы здесь живём

ФТМ

Владимир Войнович

Мы здесь живем

«ФТМ»

Войнович В. Н.

Мы здесь живем / В. Н. Войнович — «ФТМ»,

© Войнович В. Н.
© ФТМ

Содержание

1 6
2 9
3 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Владимир Войнович
Мы здесь живем

Было раннее утро, и трава, облитая обильной росой, казалась черной. Слабый ветер шевелил над Ишимом тяжелые клубы тумана.

Ваня-дурачок гнал через мост колхозное стадо и пел песенку. Губы у Ивана толстые, раздвигаются с трудом, поэтому в песенке нельзя было понять ни одного слова.

Я ехал на своем самосвале и уже собирался въехать на мост, но увидел на нем теленка. Задняя нога его застряла меж двух бревен, теленок лежит на брюхе, мычит, на том его борьба за жизнь и кончается. Я остановил машину и помог потерпевшему.

– Ну что ж ты, – сказал я Ивану, – губы-то распустил? Видишь, теленок провалился! Так ему и ногу недолго сломать.

– Пускай ломает, – дурачок беспечно махнул рукой. – Прирежем… Хлопцам на стане три дня мяса не давали. А меня не дразни. Гошке скажу.

И пошел, волоча по траве свой длинный бич, который здорово щелкает в умелых руках.

Я медленно въехал на мост и забуксовал как раз на том месте, где провалился теленок. Я давил на газ, колеса крутились, еще больше раздвигая бревна, но машина не двигалась с места. Увидев это, Иван вернулся.

– Ну что? – спросил он, подходя, и хлопнул бичом.

– «Что, что», – передразнил я его. – Видишь, забуксовал.

– Ну давай тогда тебя прирежем. На шашлык.

– Брось ты эти шутки, – сказал я ему. – Ты лучше возьми мою телогрейку, вот так сложи вдвое, чтоб изнутри не запачкалась, и подложи под колесо.

Я благополучно переехал через мост и остановился. Иван подал мне мою телогрейку. Она была совсем чистая, а у него на правом боку через рукав шел грязный рубчатый след от ската.

– Ты сам, что ли, ложился под колесо? – спросил я.

– Нет, свою телогрейку подложил, а то твоя новая – жалко.

Выехав на грейдерную дорогу, ведущую на Кадыр, я в третий раз остановил машину и подошел к желтому дорожному щиту, на котором прямыми крупными буквами было написано только одно слово:

«ПОПОВКА».

Много людей ездит мимо этого щита и видит то, что на нем написано. Но разве запомнишь название каждой деревни?

А я здесь часто бывал. Знал Гошку, знал и других.

Вот об этих людях я и написал свою повесть.

1

Кусты ивняка стояли над суженным руслом Ишима. Санька и Лизка нагрузили глиной высокий самосвал Павла Спиридонова, прозванного Павло-баптист, и Павло, надвинув кожаную фуражку по самые уши, уехал. Подруги, бросив лопаты, легли отдохнуть. Лизка сняла с себя выгоревшую кофточку, и тень от листьев пятнами упала на ее загорелую спину.

– Не умеешь ты, Санька, работать, – сказала Лизка. – Лопату криво держишь, и все у тебя высыпается.

В кустах жужжали шмели и трещали кузнечики. Наискосок через небо почти невидимый самолет тянул извилистый волокнистый след. Лизка перевернулась на спину и посмотрела на небо.

– Смотри, самолет летит и дым пускает. Как все равно облако, – сказала она.

– А это облако и есть. Самолет сам его делает.

– Как это он делает? – недоверчиво спросила Лизка.

– Не знаю как, а знаю, что делает. Инверсией это называется.

– Ишь ты – инверсия, – почтительно повторила Лизка незнакомое слово. – Инверсия. А ты откуда знаешь?

– Так, знаю. Летчик один знакомый рассказывал.

– Летчик? У тебя есть знакомые летчики?

– Были.

Лизка немного помолчала, потом пошутила:

– Вот видишь, жила ты в городе, летчиков знакомых имела. А то ведь в Поповке их нету. Здесь какой ни то комбайнер, и тот уже нос дерет – не подступишься. Поживешь-поживешь да и выйдешь за Ивана-дурачка.

Санька, ничего не ответив, лежала, смотрела на небо и старалась ни о чем не думать. Ни вставать, ни тем более работать не хотелось.

– Слушала я вчера, как ты пела в клубе, – сказала Лизка. – Хорошо у тебя получается. Прямо как у артистки. «Парней так много холостых…» – начала было Лизка, но одумалась. – Это ты тоже в своем городе научилась?

– Тоже.

– Все в городе, – вздохнула Лизка. – Летчики в городе, артисты в городе. А у нас… – Лизка поднялась на локте и посмотрела на дорогу. – Ой, никак Гошка едет! – сказала она радостно.

– Гошка?

– Ага, – Лизка торопливо застегивала кофточку.

– Ну что, мне опять идти цветочки собирать? – Санька поднялась и вытянула в стороны онемевшие руки.

– Сходи, Саня, – попросила Лизка. – Последний раз сходи. Сегодня что ни то да будет. Сегодня я у него добьюсь ответа.

– Что ж делать, – сказала Санька и пошла, раздвигая кусты, к Ишиму.

Гошка затормозил у самого обрыва и стал медленно подавать машину назад.

– Ну что, работать будем? – спросил он, стоя на подножке и глядя на Лизку через кузов.

– Будем, – сказала Лизка, – немного погодя.

– Погодя некогда, Лиза, там строители ругаются.

– Поругаются на пять минут больше. Санька уморилась, пошла умыться.

Гошка был в майке. Солдатская гимнастерка, придавленная учебником литературы, лежала рядом на сиденье. Лизка, влезая в кабину, отодвинула все это в сторону и сказала:

– Ты чего это костяной подворотничок носишь? От него шея портится. Надо тряпочный носить…

– Стирать его да подшивать, – сказал Гошка. – Некогда.

– Хорошо женатому, – вздохнула Лизка сочувствующе. – Жена и подошьет, и постирает, и вон дырку на рукаве залатала бы.

– Чего там латать? Выбрасывать пора.

– Чего ж не выбросишь? – насмешливо покосилась Лизка.

– А вот до плеча разорвется – выброшу.

Замолчали. Гошке хотелось спать, глаза слипались – не до разговоров. Сегодня в шесть утра он приехал из Актабара, а в восемь прискакал на лошади бригадир Сорока, заставил ехать за глиной. Лизка взяла в руки учебник, развернула посредине, долго смотрела, не читая, и снова положила на место.

– Учишься?

– А? – Гошка с трудом разомкнул веки.

– Учишься, говорю?

– Учусь.

– И долго тебе еще учиться?

– Не знаю, Лиза. Вот экзамен сдам, а там видно будет.

– В техникум пойдешь?

– Не знаю.

– Я летошний год тоже училась, – помолчав, сказала Лизка. – На кройки и шитья. Экзамены тоже сдавала. У меня и диплом есть.

Гошка не ответил.

– Я и вышивать умею. Что гладью, что крестом… Вот Мишка-тракторист увидел мои вышивки. «Кабы я не был женат, говорит, Лизка, на тебе б женился. А то, говорит, у меня не жена, а одно название. Так только, сготовить чего или постирать, а чего ни то сшить или вышить не может. Вот, говорит, коврик на стенку или подзор на кровать – все, говорит, купленное, за все денежки плачены». Ты б себе какую жену взял, а?

– Не знаю, Лиза. Какая попадется, – устало пошутил Гошка.

– Небось тоже хочешь покрасивше да ученую, – грустно сказала Лизка. – Вон как у Васьки. Ученая, учительшей работает, а некультурная. Придет с работы: «Я, говорит, устала, ты, говорит, должен за мной ухаживать». А чего она там устала? Чай, не кирпичи таскает. А когда Васька на курсы ездил, письмо ей пришлет, а она красный карандашик в руки, ошибки отметит и назад посылает.

Гошка открыл дверцу:

– Пойдем, Лиза, пока вдвоем поработаем.

– Еще посидим, – нерешительно попросила Лизка.

– Нет, нет. Некогда. Там строители небось рвут и мечут.

Он вытащил из-за кабины лопату с короткой кривой ручкой и пошел к заднему борту. Лизка неохотно пошла следом.

– Гоша, а ты вчера на собрании был? – спросила она, становясь рядом.

– Нет, я в Актабар ездил.

Лизка оперлась на лопату и сказала, как о большом секрете:

– Председатель выступал. Пятница. Говорил: «Как построим дома, женатым по полдома дадим, а у кого двое детей, так тому, говорит, и по цельному».

– Ладно, Лиза. Это нас с тобой не касается.

«Как бы ты схотел, так касалось бы», – печально подумала Лизка и со вздохом швырнула в кузов первую лопату. Работали молча. Подошла Санька, встала рядом с Лизкой и посмотрела ей в глаза. Лизка отвернулась, и Санька все поняла.

– Ну что? – спросила она, когда Гошка уехал. – Опять ничего не вышло?

– Нет, – Лизка отшвырнула лопату. – Не вышло.

– Ну а что ты ему говорила? Опять на полдома намекала?

– Намекала, – призналась Лизка.

– Ах, Лизка, Лизка! Кто ж так делает? Разве такого парня заманишь этим?

– А чем же его заманить?

– Не знаю, – вздохнула Санька. – А если б знала, так не сказала бы.

– Это почему?

– Самой пригодилось бы, – тихо сказала Санька.

Лиза испуганно посмотрела в глаза подруге.

Санька отвернулась. Она долго смотрела в сторону Поповки, туда, где скрылась Гошкина машина, и не сразу услышала тихие всхлипывания.

– Ты что, Лизка? – кинулась она к подруге.

Лизка уткнулась мокрым лицом в траву и ничего не ответила. Санька легла рядом.

– Ну что ты, Лиза? У меня ведь тоже ничего не получается. Ты хоть ему говоришь. А я и этого не умею.

Лизка села, утерлась подолом и, все еще всхлипывая, улыбнулась широкой улыбкой:

– Помнишь, Саня, я тебе рассказывала, сколько у меня парней было? Так все это неправда. Только один парнишка был, Аркашка Марочкин, Тихоновны сын. Билеты в кино покупал. А потом на службу ушел. Так с тех пор никого и не было.

Лиза замолчала и, сорвав желтый цветок одуванчика, стала рассеянно обрывать мягкие лепестки.

– Ну и что, ты уже забыла Аркашу? – тихо спросила Санька.

– Я-то не забыла, он забыл. Как первый месяц служил, одно письмо прислал – и все. Я ему еще штук шесть посылала, а от него ни ответа, ни привета. Да чего говорить! Им, мужикам, лишь бы обмануть, а наш брат – баба – всегда страдает.

– А может, у него времени нет письма писать? Может, с ним что случилось?

– Нет, – сказала Лизка и молоком, выступившим на обрыве стебелька, стала писать на руке слово «Аркадий». – Матери-то он пишет. Вчера иду мимо, а Тихоновна: «Зайди, говорит, на момент. Чего покажу». Фотокарточки показывала. Аркашка прислал. На танке сфотографированный, на котором ездит.

2

В этом году колхоз заложил двадцать два дома для переселенцев и молодоженов. На стенах некоторых домов уже лежали пожелтевшие от солнца стропила, для других домов еще только заложили фундамент.

На строительной площадке никто не работал. Возле четвертого справа дома стояла голубая «Волга» председателя колхоза Петра Ермолаевича Пятницы. Восемнадцать строителей (в Поповке их называли «шабашники») окружили председателя и слушали своего бригадира Потапова, высокого и худого мужика с усиками.

Гошка поставил машину возле растворного корыта и крикнул строителям, чтобы шли разгружать. Никто не отозвался. Только рыжий и рыхлый, похожий на женщину каменщик Валентин, не оборачиваясь, махнул рукой – подождешь. Гошке тоже нужен был председатель, и он вылез из кабины.

Полукруглая желтая тень от широкополой соломенной шляпы падала на лицо председателя. На парусиновом пиджаке темнел потускневший и облупившийся за долгие годы орден Красного Знамени. Этот орден эскадронному командиру Пятнице вручил в 1921 году Буденный.

Председатель колхоза Пятница, прикрывая время от времени старческие веки, слушал бригадира Потапова. Голос у Потапова был глухой и ровный.

– Наше условие, Ермолаевич, простое, – говорил он. – Сто рублей в день на рыло – или порвем договор. Нам работа везде найдется.

– Не смею задерживать, – сказал председатель.

– Ты это, Ермолаевич, брось. Мы с тобой обое старые и лысые, и притворяться нам нечего. Тебе нужны дома, нам – деньги, друг без дружки нам не обойтись.

– Попался б ты мне лет сорок назад, Потапов, – задумчиво сказал председатель, – развалил бы я тебя шашкой на две половинки.

– Не развалил бы. Я костистый. Ты лучше скажи, будем перезаключать договор или ругаться будем?

– Ладно, отстань, – сказал Пятница. – Скажи лучше своим, пусть работают, а то за такую работу я вам и по десятке не заплачу. А насчет нашего разговора подумаю.

– А когда ответ дашь?

– Завтра.

Строители не спеша разбрелись по своим местам.

Двое с лопатами через плечо пошли разгружать Гошкину машину. Петр Ермолаевич повернулся к Гошке:

– Ну, как дела, Яровой? Что это ты такой сонный ходишь?

– А чего ж мне не сонным ходить? – сказал Гошка. – Два часа всего спал.

– Тяжело, – согласился председатель. – Всем сейчас тяжело. Время такое. Зато осенью премии будем давать – тебе первому.

– Вы бы мне лучше отпуск дали.

– Зачем тебе отпуск?

– А вот, – Гошка вынул из кармана сложенную вчетверо бумажку.

В этой бумажке было написано, что выпускник десятого класса районной заочной школы Яровой Г. И. имеет право на отпуск за счет государства на время выпускных экзаменов.

Председатель перечитал бумажку два раза.

– Не могу, – сказал он, возвращая бумажку.

– Как это вы не можете? – возмутился Гошка. – Мне по закону положено.

– Какой тут, милая моя, закон, – вздохнул председатель. – Мне вот каждый день звонят из района: «Почему задерживаешь строительство? Почему опаздываешь с посевной?» А я что им скажу? Скажу, что я всех шоферов в отпуск отправил? Так, по-твоему?

– Но мне же…

– Что – тебе же? Экзамены надо сдавать? Знаю. А как на войне? Я в Отечественной, конечно, не участвовал, а вот в Гражданскую у нас знаешь как было?

– Знаю, – сказал Гошка, – вы по трое суток с коней не слезали.

– Откуда ты знаешь? – удивился председатель.

– Это вы мне десять раз рассказывали. – Гошка огорченно махнул рукой и пошел к своему «ЗИЛу».

3

Возле облитой маслом кирпичной стенки стояли машины. Из-под крайнего слева самосвала торчали ноги в легких парусиновых сапогах.

– Толька, убери ноги! Оттопчу! – крикнул Гошка, ставя машину к стене.

Из-под машины с тавотницей в руках вылез лохматый шофер в синем комбинезоне. Из бокового кармана достал измятую пачку «Беломора».

– Дай прикурить, – сказал он.

Гошка приехал в Поповку два года назад, после демобилизации. Анатолий приехал в пятьдесят четвертом году, после десятилетки: он считался среди новоселов почти старожилом. Гошка и Анатолий были друзьями, но в последнее время встречались редко.

– Пойдем, что ли? – спросил Гошка, закрывая машину.

– Пойдем.

По дороге домой Гошка рассказал Анатолию о своем разговоре с председателем.

– Какой ты дурак, – разозлился Анатолий. – На тебе скоро воду будут возить. Подумаешь, у него шоферов нет! А тебе какое дело? Тебе государство отпуск дает. А оно больше знает, нужен ты или не нужен. Ты же завалишь экзамены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.